

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2026.16582

EDN: SYFOEG

Без клобука и митры: христианское поучение Гоголя в повести «Нос»

И. А. Виноградов

*Институт мировой литературы им. А. М. Горького,
Российская академия наук
(г. Москва, Российская Федерация)*

e-mail: iwinigradow@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению авторского замысла повести Н. В. Гоголя «Нос». Рассмотрены характерные особенности Гоголя-писателя, представления художника о роли фантастического в искусстве и проблемы интерпретации повести в исследовательских работах. Определены многочисленные содержательные переключки «Носа» с другими гоголевскими произведениями — отдельным наброском «<Фонарь умирал>», незавершенной комедией «Владимир 3-ей степени», циклами повестей «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Миргород», «петербургскими» повестями (в число которых входит анализируемое произведение), «Мертвыми душами», эпистолярным наследием. Перечислены важные бытовые реалии, составляющие жизненную основу повести, и значимые литературные произведения первой трети XIX в., оказавшие влияние на формирование ее замысла. Изучение сквозных и устойчивых мотивов гоголевского творчества, нашедших отражение в «Носе», позволило обозначить авторское представление о феномене, составившем основу фантастического содержания повести, как стихии неуправляемых желаний, «независимой» — противоречащей здравому смыслу — тирании в человеке чувственных страстей. Подчеркнуто, что «безрезультатность» истории, случившейся с героем, — возвратившимся к прежнему самодовольству, — представляет в жизни «пошлого» обывателя замкнутый круг. «Самоуправная» логика чувственности, водящая человека «за нос», определяет не только его повседневные поступки, но и служит главным препятствием к его прозрению.

Ключевые слова: Н. В. Гоголь, поэтика, стиль, фантастика, иносказание, притча, реализм, обличение, типология, сатира, авторский замысел, интерпретация, духовное наследие

Для цитирования: Виноградов И. А. Без клобука и митры: христианское поучение Гоголя в повести «Нос» // Проблемы исторической поэтики. 2026. Т. 24. № 3. С. 51–88. DOI: 10.15393/j9.art.2026.16582. EDN: SYFOEG

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2026.16582

EDN: SYFOEG

Without a Klobuk and Mitra: Gogol's Christian Teaching in the Short Novel "The Nose"

Igor' A. Vinogradov

*A. M. Gorky Institute of World Literature,
Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)*

e-mail: iwinigradow@mail.ru

Abstract. The article examines the author's conception of N. V. Gogol's short novel "The Nose." It considers the characteristic features of Gogol as a writer, the artist's views on the role of the fantastic in art, and the problems of interpreting the short novel in scholarly criticism. Numerous thematic parallels are identified between "The Nose" and other works by Gogol — the stand-alone draft "The Lantern Was Dying," the unfinished comedy "Vladimir of the Third Degree," the cycles of short novels "Evenings on a Farm Near Dikanka" and "Mirgorod," the "Petersburg" short novels (which include the work under analysis), "Dead Souls," and his epistolary legacy. Important everyday realities constituting the life foundation of the short novel are enumerated, as are significant literary works of the first third of the 19th century that influenced the formation of its conception. The study of the recurring and persistent motifs in Gogol's oeuvre reflected in "The Nose" has made it possible to identify the author's understanding of the phenomenon underlying the fantastic content of the short novel — as an element of unmanageable desires, an "independent" (contrary to common sense) tyranny of sensual passions within man. It is emphasized that the "futility" of the incident that befell the protagonist — who returns to his former complacency — represents a vicious circle in the life of the "vulgar" everyman. The "self-willed" logic of sensuality, which leads man "by the nose," determines not only his everyday actions but also serves as the main obstacle to his spiritual awakening.

Keywords: Nikolai Gogol, poetics, style, the fantastic, allegory, parable, realism, denunciation, typology, satire, author's intent, interpretation, spiritual heritage

For citation: Vinogradov I. A. Without a Klobuk and Mitra: Gogol's Christian Teaching in the Short Novel "The Nose". In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2026, vol. 24, no. 3, pp. 51–88. DOI: 10.15393/j9.art.2026.16582. EDN: SYFOEG (In Russ.)

.....

1. «Странности» Гоголя

В 1842 г. Гоголь писал С. Т. Аксакову по поводу задуманного им паломничества к святым местам:

«Признайтесь, вам странно показалось, когда я в первый раз объявил вам о таком намерении? Моему характеру, наружности, образу мыслей, складу ума и речей <...> кажется неприличным такое дело. Человеку, не носящему ни клобука, ни митры, смешившему и смешавшему людей, считающему и доньше важным делом выставлять неважные дела и пустоту жизни, <...> не правда ли, странно предпринять такое путешествие?»¹.

К числу «странных» Гоголя, «склада» его «ума и речей», творчества в целом в полной мере принадлежит повесть «Нос». Ее многочисленные «странности» — «несообразность», «бесцельность», «бездоказательность», «бесполезность» — подчеркивает в финале сам рассказчик:

«Чрезвычайно странная история! <...> Несообразность и больше ничего! <...> ...как могут авторы брать такого рода сюжеты! <...> Для какой цели? Что доказывает эта повесть?»²; «...пользы отечеству решительно никакой <...>. Просто я не знаю, что это...» (3/4: 63–64).

Свою филиппику повествователь тем не менее завершает апологетически:

«...однако же, <...> где ж не бывает несообразностей?..» (3/4: 64).

В таких же выражениях Гоголь характеризовал и свой писательский облик в письме к Аксакову:

«Но разве не бывает в природе странностей?» (12: 112).

Гоголевский рассказ об исчезнувшем носе, конечно, не «бесполезен». И характерные особенности Гоголя-художника «странными» и «несообразными» выглядят лишь на первый взгляд. Даже сама гоголевская «фантастика» — будто бы

¹ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: в 17 т. (15 кн.) / сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009. Т. 12. С. 112. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием тома и страницы в круглых скобках.

² Гоголь Н. В. Нос // Современник. 1836. Т. 3. С. 89–90.

«бесцельная» и ничего «не доказывающая», — при всей кажущейся произвольности, подчинена глубокому смыслу. Вскоре после создания «Носа» Гоголь писал об исполненных причудливых фантазий произведениях О. И. Сенковского (лишенных, по его словам, хоть какого-то «устремления к доказательству какой-нибудь мысли»):

«Неизвестно <...>, почему назвал он <...> статьи свои фантастическими. Отсутствие всякой истины, естественности и вероятности еще нельзя считать фантастическим» (7: 466).

До нас дошло еще одно высказывание Гоголя насчет «законов фантастического в искусстве»:

«...можно писать о яблоне с золотыми яблоками, но не о грушах на вербе» [Виноградов. Летопись; т. 7: 220].

В свое время Ап. Григорьев свидетельствовал:

«Целая жизнь пустая, <...> надувающаяся, неугомонно движущаяся — встает перед вами с этим загулявшимся носом — и, если вы ее знаете эту жизнь — а не знать ее вы не можете после всех тех подробностей, которые разворачивает перед вами великий художник, <...> вы скажете с автором, что "подобные происшествия бывают... редко, но бывают..."»³.

Сам Гоголь оставил немало подсказок, помогающих понять его «странную» повесть. Три года спустя после создания «Носа» он писал М. П. Балабиной:

«Розы усыпали теперь весь Рим <...>. Верите, что часто приходит *неистовое желание* превратиться в один *нос*, чтобы не было ничего больше — ни глаз, ни рук, ни ног; кроме одного только большущего носа, у которого бы ноздри были величиною в добрые ведра, чтобы можно было втянуть в себя как можно побольше благовония и весны» (11: 149; курсив мой. — И. В.).

В полушутливом рассказе превращение в один «большущий нос» представляется как вожденное (и позитивное), однако само по себе это крайнее вождение («неистовое желание»)

³ Григорьев Ап. Ф. Достоевский и школа сентиментального натурализма <1862> // Н. В. Гоголь. Материалы и исследования / АН СССР, Ин-т рус. лит.; под ред. В. В. Гиппиуса; отв. ред. Ю. Г. Оксман. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. Т. 1. С. 252.

от гоголевского обличения отделяет лишь тонкая грань. Восторженность или амбивалентность за этой гранью оканчивается — открывается гоголевская сатира. Как указал в 1921 г. В. В. Виноградов, прямой аналогией превращения в «нос» является у Гоголя преобразование непомерно тщеславного героя «Записок сумасшедшего» в «испанского короля» [Виноградов, 1921: 98]. Другой предмет страстного желания героя — почетный орден — доводит до буквального уподобления себя этому возжеленному предмету тщеславного чиновника незавершенной комедии Гоголя «Владимир 3-ей степени» [Виноградов. Летопись; т. 2: 248]. С этими «перевоплощениями» «неистовых желаний» (то в «орден», то в «короля», то в «нос») перекликается еще множество гоголевских образов, отражающих «превращение» человека в то или иное чувство или состояние, которое является для него на данный момент господствующим. Еще в 1902 г. И. Е. Мандельштам, изучая гоголевский стиль, отметил, что это один из излюбленных гоголевских тропов [Мандельштам: 140]. Так, Гоголь в «Тарасе Бульбе» изображает мать, которая «вся превратилась в одно зрение» и любит отъезжающими сыновьями, а девушка, выслушивающая любовное признание, «вся» превращается «в слух» (1/2: 310, 355; курсив мой. — И. В.). В «Старосветских помещиках» любящий супруг «весь» превращается «во внимательность» у постели умирающей жены (1/2: 297). В «Мертвых душах» городская дама «вся обращается в слух» в предвкушении новой сплетни (5: 178; курсив мой. — И. В.).

Близок к содержанию «Носа» еще один похожий гоголевский «троп». Он находится в незавершенном произведении Гоголя — наброске «<Фонарь умирал>». Подобно тому, как «нос» в повести о майоре Ковалеве персонифицируется и покидает лицо героя, подобно тому, как сам Гоголь, обоняя римскую весну, желал обратиться в «большущий нос» (11: 149), в наброске «<Фонарь умирал>» «все чувства», испытываемые «студентом» при виде обольстительной красавицы, переселяются «в запах» (7: 123; курсив мой. — И. В.):

«Сколько поэзии для студента в женском платье!.. <...> Все чувства переселяются тогда в запах, несущийся от него...» (7: 123).

Тут же, рядом с красавицей, появляется конкретный образ будущей повести — «треугольник» Носа, в котором, «как в зеркале», студент как бы видит самого себя, воплощение своей чувственности:

«Он задрожал и <...> увидел другую фигуру, в черном фраке, с <...> странным профилем. <...> Лоб <...> был совершенно покат <...>. Нос был продолжение его <...>. От носа шла диагональная линия до самой шеи. Это был треугольник, вершина которого находилась в носе...» (7: 123).

Примеры можно умножать. «Весь <...> во внимание» превращается любопытный герой «Сорочинской ярмарки» (1/2: 93); «вся <...> в безмолвное внимание» — красавица Алкиноя в эссе «Жизнь» (7: 66); «весь» «в порох» — азартный «йора-охотник» в поэме «Мертвые души» (5: 178). Особый случай представляет художник в «Портрете», который, трудясь над полотном, «*весь* обратился <...> в одно *желание*» (3/4: 95; курсив мой. — И. В.). В 1829 г. совсем юный, двадцатилетний Гоголь писал, опять-таки о себе, в послании к матери, что Сам Бог поселил в нем «желания души», «претворив» его «в жажду ненасытимую» (10: 110). (Речь в письме идет, конечно, о «чистых» желаниях, о так называемых «благородных страстях», однако позднее представление о том, будто Бог вселяет в человека такую «ненасытимую жажду», Гоголь переосмыслил.)

Все встречающиеся у Гоголя многочисленные «перевоплощения» человека в господствующие желания могут служить прямым авторским комментарием к фантому отделения «носа» в одноименной повести. Очевидно и то, что одного «стилистического» объяснения этих образов недостаточно. За всеми метонимическими «тропами» стоит вполне конкретный, хорошо угадываемый духовный смысл образов — подразумевается «независимая», почти неуправляемая стихия чувственности, тирания страстей, обозначенная в апостольских посланиях:

«Ибо не понимаю, что делаю: потому что не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю» (Рим. 7:15);

«Они, как бессловесные животные, водимые природою, <...> в растлении своем истребят» (2 Пет. 2:12).

Указанные «тропы» Гоголя — основа его типологии. Продолжая ряд, можно сказать, вслед за протопресвитером Василием Зеньковским, что «вся душа» Плюшкина «ушла в скупость»; в «типе Хлестакова» — в котором «все живое <...> сжимается» — представлено «"опьянение" собственным враньем» [Зеньковский: 100]. В качестве комментария к такому «дарованию» Хлестакова может служить апологетическая реплика псевдобогословствующей свахи в «Женитьбе», характеризующей некоего надворного советника:

«...что ни скажет слово, то и совет <...>. Что ж делать, так уж ему Бог дал» (3/4: 317; курсив мой. — И. В.).

К числу подобных «метонимий», указывающих на то, к чему прикованы все жизненные устремления человека, относятся и характерные черты петербургских обитателей, выведенных в «Невском проспекте»:

«Здесь вы встретите усы чудные, <...> которым посвящена лучшая половина жизни — предмет долгих бдений во время дня и ночи <...>. Один показывает щегольской сюртук с лучшим бобром, другой — греческий прекрасный нос, <...> осьмой — усы, повергающие в изумление» (3/4: 9, 11) (отмечено: [Гуковский: 292–293]).

Очевидно, что «носы» Чичиковых, Ноздревых, Хлестаковых, Городничих, Андриев и других гоголевских героев — это «бесчисленные, как морские пески, человеческие страсти» единого «душевного города» человека (3/4: 492; 5: 234; см. подробнее: [Виноградов, 2025a]).

Бессмысленные нелепости, фантазии без цели — те, что в истории об отделившемся носе только и видятся поверхностному наблюдателю (голос которого отдан в финале «Носа» самому рассказчику), — критически оценивал и Гоголь. О «фантастических» сочинениях Сенковского он говорил, что те написаны по принципу «Не люблю — не слушай, а лгать не мешай» (7: 466). Однако за собой следование подобным «принципам» Гоголь категорически не признавал. Одного из безымянных персонажей «Театрального разъезда...» — обвиняющего автора «Ревизора» в безответственности — он, отводя клевету недоброжелателей, назвал «Просто вралем» (3/4: 464). Этому

соответствует неизменный призыв Гоголя к своим читателям видеть в нем не бездумного «враля» и «скомороха» (вроде «враля» Хлестакова; 3/4: 302), сочинителя «глупых фарсов» (3/4: 441), но честного и размышляющего человека — руководствующегося исключительно правдой и этой правдой поучающего:

«Дайте же ему хоть каплю ума, в котором вы не отказываете ни одному человеку» (3/4: 490);

«Что ж в самом деле, как будто я живу только для скоморошничества?» (3/4: 492);

«Сейчас <...> я слышал <...>: что это <...> неправда <...>. Я утешен уже мыслью, что подлость у нас не остается скрытою или потворствуемой <...>. ...все это правда, живо, взято с натуры...» (3/4: 445, 448, 459).

К сожалению, ни многочисленные гоголевские «подсказки» к содержанию «Носа», ни прямое слово Гоголя о самом себе, ни свидетельства современников — в пользу жизненной правды гоголевской повести — в расчет по-прежнему не принимаются, и реплика «Просто враля» в «Театральном разъезде...» становится, как это ни парадоксально, мнением современного исследователя. Уверенно заявляется, что «Гоголь был лгун <...> и в творчестве, и в быту любил врать» [Лотман: 11].

Отличительные писательские особенности Гоголя — проповедника без клобука и митры, избравшего оружием проповеди смех, — продолжают оставаться серьезным препятствием к постижению его произведений. В 1890 г. комментатор гоголевской повести И. Ф. Анненский замечал: «Пошлость <...> глупа и узка и ничего, кроме себя, не видит и не понимает. Пошлость себялюбива и самолюбива <...>; у нее бывает и горор, и фанаберия, и чванство, но нет <...> ничего благородного. <...> Этот мутный жизненный осадок <...> почти во всяком человеке» [Анненский: 98].

Остаются безуспешными не только заведомо тупиковые, но и искренние попытки разобраться в иносказании «Носа» — честные усилия тех гоголевских «учеников», которые испытывают радость, когда перед ними раскрывается «какая-нибудь» труднейшая фраза и обнаруживается настоящий смысл

мысли великого писателя» (5: 479). По поводу амбивалентно-комического содержания «Носа» в исследовательских работах до сих пор раздаются признания, что повесть «продолжает держать нас в недоумении», что надо, наконец, прочитать ее «по-крупному» [Бочаров, 1985: 126], найти хоть какой-то «порядок» «в этом безумии» [Магазаник: 96]; (см. также: [Крюков: 75]). Однако призывы остаются тщетными: они оборачиваются либо простым пересказом сюжета об отделении носа «от лица», с выводом, будто это «разделение в образе» и есть «главное слово гоголевской художественной антропологии» [Бочаров, 1985: 159–160], либо таким же пересказом без выводов: «...все абсурдно <...>, абсурд в его различных проявлениях <...>. ...едва пробившись сквозь хаотичность и аморфность абсурда к некоторому подобию логики и порядка, мы оказываемся, где были» [Магазаник: 97–98, 110].

«Эмансипацию части от целого» предлагается рассматривать в широких категориях «универсального состояния тотальной неустойчивости, шаткости бытия», «распада миропорядка», «необеспеченности жизни» [Фуксон: 75] — но и это мало что проясняет в гоголевском произведении. Очевидно, что для понимания авторской мысли необходимо обратиться к мировоззрению самого Гоголя, обозначить место его «странной» повести в общем контексте творчества. Гарантией от произвольных толкований должен стать анализ собственно авторских представлений и понятий, конкретный материал, складывающийся из «сквозных» и устойчивых гоголевских тем и мотивов, нашедших отражение в «Носе»⁴.

⁴ Ущербность методологии сказывается также в комичных выводах аспирантов, что «выпеченный хлеб — это почти то же, что и нос, а нос и лицо — это почти хлеб» [Бычкова: 45]. На психоаналитических интерпретациях гоголевской повести останавливаться не будем. Сразу по появлению их в 1920-х гг. все ученое сообщество, а это ведущие литературоведы — В. В. Виноградов, П. Н. Медведев, Б. В. Томашевский, В. Ф. Переверзев, А. Белый, К. В. Мочульский, П. М. Бицилли, — разразились, по словам В. Ф. Ходасевича, «на редкость дружным и заслуженным смехом» (Ходасевич В. Книги и люди. Курьезы психоанализа // Возрождение. (Париж). 1938. 15 июля. С. 9). Негативную оценку получила как методология фрейдизма (приемы «заезжего фокусника»), так и содержание фрейдистских построений («физиологические невкусыцы», «бредни», «карикатуры»), «посредственная юмористика» (см. подробнее: [Виноградов, 2024а: 469]).

2. Контекст интерпретаций

Содержание повести являет собой своего рода вариацию на тему многочисленных выражений с упоминанием о носе: «водить за нос», «щелкнуть по носу», «остаться с носом» и др. (ср.: 3/4: 59). Тема эта поднимается в произведениях Гоголя не раз. Так, «с носом» остается упоминаемый в «Записках сумасшедшего» «алжирский дей», лишенный власти колонизаторами-французами:

«А знаете ли, что у алжирского дея под самым носом шишка?» (3/4: 176).

Реальная география тут большого значения не имеет. В черновой редакции «Записок...» вместо «алжирского дея» упоминался «французский король»⁵, властитель, тоже потерпевший поражение, — под этим королем подразумевался Карл X, вынужденный покинуть Францию после Июньской революции 1830 г.

С большим «носом», после бесславного похода на Россию, остался и воинственный Наполеон. Соответствующие изображения французского императора были популярны во времена Гоголя в народном лубке (с описания торговли этими народными картинками начинается «Портрет»: 3/4: 65–67). Нарисованного с огромным носом Наполеона на лубках сопровождала реплика: «Вот какой нос приставили мне Русские! Не знаю, как мне с ним показаться Парижской Публике» [Плетнева: 156].

Еще один мотив повести, связанный с гоголевской «носологией», — это комическая проблема «самоуправства носа» (1/2: 476), под которым, как уже отмечалось, подразумевается стихийная неуправляемость человеческих поступков, произвол неумных желаний и страстей — всех тех проявлений падшей природы человека, что составляют предмет аскетической практики. Эту характерную особенность «носа», олицетворяющего необузданную стихию вожелдений, Гоголь отмечал еще в «Миргороде» — в «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». Гоголь изобразил здесь

⁵ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: в 23 т. М.: Наука, 2009. Т. 3 / тексты подгот. Л. В. Дерюгина; коммент. подгот. С. Г. Бочаров, Л. В. Дерюгина. С. 444.

комическую досаду уездного судьи, «нос» которого «невольно» нюхает «верхнюю губу», что делал он «обыкновенно <...> только от большого удовольствия»:

«Такое самоуправство носа причинило судье еще более досады. Он вынул платок и смел с верхней губы весь табак, чтобы наказать дерзость его» (1/2: 476).

Такая же «дерзость» носа — являющаяся «ключом» к пониманию замысла одноименной повести — изображается в еще одной петербургской повести Гоголя — «Невском проспекте». Здесь описывается внешне совершенно немотивированное — вполне безумное намерение петербургского немца-ремесленника Шиллера отрезать свой ненавистный, огорчающий его нос — намерение, вызывающее недоумение и до сих пор ставящее интерпретаторов в тупик. Это тоже одна из гоголевских загадок. Отгадка, проясняющая адекватный — авторский смысл образа, заключается в том, что *немецкий* нос, будучи любителем *русского* табака, «унижает», по собственным ощущениям героя, его «национальное достоинство» — «позорит» носителя не только тем, что нюхает «скверный» русский табак, но и самим фактом проживания в России, — поскольку у «благородного» Шиллера, гневающегося на прихотливое самоуправство носа, есть, по его горделивому заявлению, «король в Германии» (3/4: 32). Особенную досаду героя вызывает то, что предосудительные потребности носа ему приходится еще и оплачивать — покупать для носа табак:

«У меня на один нос выходит три фунта табаку в месяц. <...> Двадцать рублей сорок копеек! Я швабский немец; у меня есть король в Германии. Я не хочу носа! режь мне нос! вот мой нос!» (3/4: 31–32).

По поводу такого радикального поведения гоголевского героя современный исследователь замечает, что «Шиллер не намерен платить дань за прихоти своего носа русскому царю» [Изотова: 60]. Хотя содержание повести не дает достаточных оснований для такого прямолинейного вывода, однако вполне возможно и такое развитие национальных амбиций Шиллера. Но следует, однако, иметь все-таки в виду, что «нос» Шиллера огорчает своего хозяина не только тем, что

нюхает *русский* табак, но и тем, что «по праздникам» предпочитает дорогой *заграничный* сорт «рапе»:

«...по праздникам я нюхаю рапе, потому что я не хочу нюхать по праздникам русский скверный табак. В год я нюхал два фунта рапе, по два рубля фунт. <...> Это разбой!» (3/4: 32).

Высокосортный «рапе», «привозимый из Немецкой земли, а особливо из Стразбурга», потому получил такое название, что шел «на терку для нюхания»⁶ (французское слово “*gâper*” — означает «тереть», отсюда и наименование сорта). Нюхательный табак «из Немецкой земли» тоже вводит немецкого ремесленника в расходы и побуждает отрезать себе орган обоняния⁷.

Гораздо важнее для Гоголя был не «политический», а более глубокий нравоучительный аспект — трезвое признание или объективная констатация общей человеческой падшести. От всеобщей зависимости от тех или иных «прихотей», олицетворяемой самоуправством носа (для которого нет «ничего» «священного»; 3/4: 48), человека не избавляет ни национальность, ни чин, ни звание. Об этой равной для всех «пошлости» прямо напоминает неидеальный герой тех же «Записок сумасшедшего». Сравнивая свой «нос» с «носом» блестящего столичного «камер-юнкера», он вполне «резонно» замечает:

«Что ж из того, что он камер-юнкер. <...> Ведь у него же нос не из золота сделан, а так же, как и у меня, как и у всякого...» (3/4: 169).

⁶ Словарь коммерческий, содержащий познание о товарах всех стран, и названиях вещей главных и новейших, относящихся до коммерции, также до домостроительства; познание художеств, рукоделий, фабрик, рудных дел, красок, пряных зелий, трав, дорогих камней и проч. Переведен с французского языка Васильем Левшиным. М.: В Тип. Комп. типогр., 1792. Ч. 7. С. 8.

⁷ Согласно российскому таможенному тарифу, привозные сорта табака, особенно нюхательного, облагались высокими пошлинами (см.: 6624. — 1833. Декабря 12. Общий тариф для всех портовых и пограничных таможен Российской империи по европейской торговле // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе: [С 12 декабря 1825 года по 28 февраля 1881 года: в 55 т.]. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1834. Т. 8. Отд. 2. С. 355).

3. Южнорусские реалии повести

Следует указать и на более широкий национальный контекст повести. В частности, уточнить, что поставщиком табака в России издавна были южные губернии — а одной из *главных* табачных оптовых ярмарок была ярмарка в Нежине, где Гоголь провел, обучаясь в гимназии, семь лет. Сбыт табака составлял «важнейший предмет» нежинской торговли⁸. На ярмарке предлагалось сразу несколько табачных сортов, за которыми приезжали «купцы из Риги, Митавы и С.-Петербурга»⁹. Один из энциклопедических словарей того времени (которым пользовался Гоголь с 1820-х гг.¹⁰) сообщал:

«Табак растет в Украине в таковом великом изобилии, что всю Россию снабжает со избытком <...>. ...но желательно, чтоб постарались выучиться переделывать оный рульным и картузным¹¹, дабы продавая голландцам пуд по два рубля, не покупать обратно своего табаку в переделке, платя за пуд по 12 рублей»¹².

Хотя Гоголь к табачному промыслу относился в целом неодобрительно¹³, однако замечание немца Шиллера о русском табаке поместил, очевидно, в небезразличный для себя контекст. О «добром» (а не «скверном») табаке из Нежина Гоголь упоминал ранее в одной из повестей «Вечеров на хуторе близ Диканьки» — «Ночи перед Рождеством»:

«Я помню, <...> мне покойный шинкарь Зозуля раз привез табаку из Нежина. Эх, табак был! добрый табак был!» (1/2: 171).

⁸ Город Нежин. (Сообщено местным губернским начальством) // Журнал Министерства внутренних дел. 1846. Ч. 13. С. 288.

⁹ Там же.

¹⁰ См.: [Виноградов, 2024а: 100–101, 279, 760–761].

¹¹ Имеются в виду более высокие сорта табака в особой упаковке: в связках — «рулях» (от голл. *rol*) (одним из «рульных» сортов был упомянутый «рапе») и в бумажных пакетах — «картузах» (от голл. *kardoes*). «Посмотри, там в картузе табаку нет?» — спрашивает в «Ревизоре» Хлестаков слугу Осипа (7: 395) (это слово встречается также в театральной постановке спектакля: «... картуз табачный пустой...»; 7: 616). Кроме того, табачные «картузы» упоминаются во второй главе «Мертвых душ», в описании кабинета Манилова, где «больше всего было табаку»: «Он был в разных видах: в картузах и в табачнице...» (5: 32).

¹² Словарь коммерческий... С. 16–17.

¹³ См.: [Виноградов. Летопись; т. 7: 23].

В пользу украинского (южнорусского) табака в свою очередь свидетельствует, помимо воли обладателя, и сам «нос» Шиллера.

(Двойное отношение Гоголя к проблеме «табачного патриотизма» нашло отражение в его шуточном замечании, оставленном в 1839 г. в альбоме Е. Г. Чертовой:

«...мой нос <...> мне говорит <...> об вашем русском табаке, от которого я чихал, приятно чихал. Табак говорит мне о патриотизме, от которого я также чихал довольно часто»; 9: 473–474.)

Южнорусские корни обнаруживаются и в главном герое «Носа» — майоре Ковалеве. На это указывает, в первую очередь, его «биография». Служивший на Кавказе, он является выходцем одной из южных губерний: Киевской, Полтавской, Черниговской, Екатеринославской или Слободско-Украинской — ближайших к Кавказу. Отсюда по преимуществу призывались служить в Грузию, согласно правительственным указам 1803 и 1819 гг., российские офицеры и гражданские чиновники [Виноградов, 2020b: 243–245]¹⁴. «Южной» является и фамилия героя — Ковалев. Ее великорусский аналог — фамилия Кузнецов. Слово «коваль» употреблялось в XIX в. преимущественно в Южной Руси [Виноградов, 2023: 100].

Уместно отметить, что сюжет «Носа» имеет отчасти и автобиографический характер. Сам Гоголь, столкнувшись со столичной дороговизной по приезде из Малороссии в Петербург, в первые годы испытывал здесь серьезную материальную нужду. Подобно Башмачкину, он, не будучи в состоянии заказать себе теплую одежду, даже «отхватал» одну из петербургских зим «в летней шинели» (10: 133). В самые же первые дни

¹⁴ Восточная Грузия вошла в состав Российской империи на основании манифеста Александра I от 12 сентября 1801 г. Указы 1803 и 1819 гг. позволяли чиновникам, служащим на «горячем», охваченном военными действиями Кавказе, получать более высокий чин в обход обязательных университетских экзаменов — что и стало причиной появления в российском чиновничестве многочисленных «кавказских коллежских ассессоров» (3/4: 43) — «майоров Ковалевых». Указы 1803 и 1819 гг. были известны Гоголю, вероятно, еще с того времени, когда в первой половине 1820-х гг. военную службу в Грузии, в войсках генерала А. П. Ермолова, проходили трое его двоюродных дядьев по материнской линии, выпускники 2-го Петербургского кадетского корпуса, Петр, Павел и Иван Петровичи Косяровские [Виноградов. Летопись; т. 1: 264, 269, 271, 490].

в столице он, по свидетельству приятеля, даже отморозил себе нос [Виноградов. Летопись; т. 2: 7].

Спустя несколько месяцев после приезда в Петербург Гоголь писал матери:

«Вы не поверите, как много в Петербурге издерживается денег» (10: 97);

«Смешны мне очень здешние молодые люди <...>, служили бы в своих провинциях; так нет, надо потаскаться в Петербург, где мало того что ничего не получают, но сколько еще перетаскают денег из дому, которые здесь истребляют неприметно в ужасном количестве» (10: 110–111).

В «волшебной опере-водевиле» «Волшебный нос, или Талисманы и финики» (1825) А. И. Писарева (о влиянии которой на «Нос» писал в 1924 г. В. В. Гиппиус [Гиппиус: 228]), тоже обличается стремление молодых людей в далекие края (в частности, в Париж), где они проживают отцовские состояния¹⁵. Одним из ожидаемых последствий того, что герои водевиля оказываются, по волшебству, с «огромными носами», называется в пьесе то, что «может вздоржать табак»¹⁶.

Еще в школьные годы выражение «держат нос по ветру» было одной из излюбленных шуток Гоголя. Однокашник будущего писателя В. И. Любич-Романович вспоминал:

«Красота его языка обнаруживалась перед нами не в изящной форме литературного творчества, которого не было у него в то время, а в образности речи, перемешанной русскими словами с малорусскими. Над этой-то смесью двух наречий, нам не известных дотоле в отечественной литературе, мы <...> смеялись до упаду...» [Виноградов. Летопись; т. 1: 449].

Однажды, продолжал школьный товарищ, Гоголю предложено было «завести» для себя носовой платок, на что тот «ответил в журнале язвительным стишком, напоминавшим нам о своем носе, который должно держать по ветру, а не по квинте»

¹⁵ [Писарев А. И.] Волшебный нос, или Талисманы и финики: волшебная опера-водевиль в шести действиях. Переделанная с французского А. И. Писаревым. М.: В Тип. Имп. московск. театра, у содержателя А. Похорского, 1825. С. 1–7, 11–13, 47.

¹⁶ Там же. С. 64.

[Виноградов. Летопись; т. 1: 449] (вероятно, Гоголь подразумевал особое — «минорное» звучание музыкальной «квинты»):

«Это замечание среди нас долго оставалось ходячим мнением такого рода, что не следует опускать нос на квинту и должно держать его по ветру... Что означало: не быть никогда грустным и вынюхивать для себя лучший воздух, т. е. знать, где можно лучше провести время без скуки и без горя...» [Виноградов. Летопись; т. 1: 449].

Впоследствии в своих произведениях Гоголь наглядно изобразил, как в поисках «лучшего воздуха» «держат нос по ветру» — управляются эгоистическими прихотями, тиранией желаний и страстей — многочисленные «пошлые» обыватели, влекущиеся «без борьбы», «под влиянием страстных увлечений», «потоками жизни» (12: 252).

4. Цена столичной жизни

Мотив самостоятельного, независимого от хозяина поведения «носа» в полной мере разворачивается в повести, посвященной майору Ковалеву. Комическое попадание носа майора в хлеб цирюльнику Ивану Яковлевичу тоже связано с темой искусовых соблазнов. Оно выступает здесь своеобразным аналогом той цены, в какую обходится герою его «просвещенная» жизнь в европеизированной столице.

Одним из многих, кто предъявляет майору Ковалеву счет за «просвещенную» жизнь в столице, является как раз цирюльник Иван Яковлевич (в «хлебе» которого оказывается нос). Образ петербургского цирюльника связан с гоголевскими размышлениями о проникновении западноевропейской цивилизации в Россию, начавшемся «во время Петра», когда, по словам Гоголя, «Русь превратилась на время в цирюльню, битком набитую народом; один сам подставлял свою бороду, другому насильно брили» (10: 205). По словам рассказчика «Повести о капитане Копейкине» (в «Мертвых душах») — где тема петербургских соблазнов тоже является одной из ключевых, — «платить цирюльнику — это составит, в некотором роде, счет» (5: 194). По такому же «счету» герой «Носа» платит (т. е. доставляет «хлеб») актрисе («синяя ассигнация»; 3/4: 52), газете

(«дорого заплатить за объявление»; 3/4: 63), медику («благодарность за визит»; 3/4: 58), квартальному надзирателю («красная ассигнация»; 3/4: 56). Свой счет предъявляют «баба, продававшая манишки» (3/4: 44), и прачка («как можно реже отдавать прачке мыть белье» составляет одну из статей экономии Акакия Акакиевича Башмачкина в «Шинели»; 3/4: 128). С дороговизной «съестных припасов» (3/4: 56, 200) связано упоминание о кондитерских, где майор Ковалев частый гость. — Соответствующее замечание, опять-таки, можно найти в «Портрете» (вместе с «Носом» и другими «петербургскими» повестями Гоголя составляющим картину «просвещенной» столичной жизни):

«Одеться в модный фрак, разговеться после долгого поста, нанять себе славную квартиру, отправиться тот же час в театр, в кондитерскую, в... и прочее, — и он, схвативши деньги, был уже на улице» (3/4: 81).

По особому «счету» — прямо связанному с пропажей носа — и оплачиваются в «Носе» «потребности», подсказанные в «Портрете» многозначительным отточием («в кондитерскую, в... и прочее»), — именно исполнение «секретных приказаний» майора Ковалева «какой-нибудь смазливенькой» уличной торговкой (3/4: 44) — одной из будущих «нищих старух с завязанными лицами и двумя отверстиями для глаз, над которыми он прежде так смеялся» (3/4: 45). Прямой намек на эти «потребности» содержится в «Носе» в реплике частного пристава, потревоженного неурочным визитом к нему майора Ковалева и потому замечающего, что «у порядочного человека не оторвут носа и что много есть на свете всяких майоров, которые не имеют даже и исподнего в приличном состоянии и таскаются по всяким непристойным местам. То есть не в бровь, а прямо в глаз» (3/4: 53). В черновой редакции пропажа носа объяснялась «прогулкой» Ковалева по вечернему Невскому проспекту — в то время полного холостых чиновников, преследующих дам, «нащекатуренных румянами» (3/4: 12):

«Потянувшись, он приказал подать <...> зеркало, чтобы взглянуть наново прыщик, который выскочил вчера вечером на его лбу

[когда он очень долго прохаживался по Невскому просп<екту>]¹⁷. К величайшему изумлению увидел, что у него вместо носа совершенно гладкое место»¹⁸;

«Майор Ковалев имел обыкновение каждый почти день прохаживаться по Невскому проспекту. <...> Майор Ковалев был непрочь и жениться. Но только в таком случае, когда невеста будет иметь двести тысяч капитала. — И потому читатель может посудить <...>, когда он увидел вместо <...> носа <...> гладкое место»¹⁹.

Следует при этом иметь в виду, что одна из «сквозных» тем гоголевского творчества, на которую исследователи долгое время предпочитали не обращать внимания, — обличение бытового распутства (порицаемого не только Гоголем, но и многочисленными церковными и тогдашними гражданскими установлениями [Виноградов, 2020а: 73–74, 83]). С самых первых дней пребывания в Петербурге Гоголь, восторженный, религиозно воспитанный юноша, был глубоко удручен теми неприглядными явлениями «цивилизованной» жизни столицы, с которыми тогда столкнулся. Вместе с «Носом» тема распутства наиболее выразительно была представлена в «Невском проспекте».

В еще одном пристрастии «нос» майора Ковалева обличают «едва заметные тонкие и самые нежные жилки» — «потому что коллежский ассessor любил после обеда выпить рюмку хорошего вина»²⁰. Пояснением к этой черте героя может служить реплика Плюшкина в шестой главе первого тома «Мертвых душ»:

«Вот возле меня живет капитан <...>. С лица весь красный: пеннику, чай, насмерть придерживается» (5: 119).

(Такая же — более ранняя — подсказка заключена в «Ночи перед Рождеством» — в упоминании о пьянице-бабе с «фиолетовым носом» (1/2: 203). В период создания этой повести Гоголь, вероятно, прочел в «Молве» Н. И. Надеждина переводной фельетон Г. Чокке (Цшокке) «Похвала носу», где говорится:

¹⁷ Здесь квадратные скобки в цитате означают, что заключенные в них слова зачеркнуты Гоголем в автографе.

¹⁸ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: в 14 т. Л.: АН СССР, 1938. Т. 3 / тексты и коммент. подгот. И. Я. Айзеншток, В. Л. Комарович, Н. И. Мордовченко и др. С. 385.

¹⁹ Там же. С. 386.

²⁰ Там же. С. 381.

«Нос пьяницы есть упрек, который он повсюду носит с собою»²¹.

Позднее Г. И. Чудаков и В. В. Виноградов отметили фельетонное эссе Чокке как один из вероятных источников замысла «Носа» (см.: [Чудаков: 107], [Виноградов, 1921: 85–86]).

Мотив европейских и местных соблазнов, основополагающий для «Носа», воплощается также в ироническом замечании в повести о продаже «малоподдержанной коляски, вывезенной в 1814 году из Парижа» (3/4: 49). Смысл этого упоминания заключается в том, что, согласно Гоголю, победа в Отечественной войне 1812 г., будучи торжеством на поле брани, не избавила, однако, Россию от зависимости от западной соблазнительной роскоши, в число которой входили и модные заграничные экипажи (аналог современных люксовых иномарок). (На эту тему Гоголь даже написал отдельное произведение — повесть «Коляска» [Виноградов, 2025b].) «Малоподдержанная» парижская коляска в «Носе» неожиданно отзывается у Гоголя в реплике одного из героев второго тома «Мертвых душ», «идеального» генерал-губернатора:

«...даю слово не заводить у себя никакого щегольского экипажа <...>. Страшным оскорбительным упреком и праведным гнев<ом> пораз<ит> нас негодующее потомство, что <...>, играя, как игрушкой, святым словом просвещения, <мы> *правились* швеями, парикмахера<ми>, модами...» (5: 487, 490; курсив мой. — И. В.).

Слово «правились» здесь можно прочесть и как «водились за нос». Такое понимание ни в чем не противоречит, но, напротив, созвучно частым островам Гоголя по поводу подобного «употребления» носа:

«Я, признаюсь, не понимаю, для чего это так устроено, что женщины хватают нас за нос так же ловко, как будто за ручку чайника? Или руки их так созданы, или носы наши ни на что не годятся» (1/2: 466; «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»);

«Приснился ему однажды сон, что сатана <...> потащил его за нос...»²² (3/4: 210; «Рим»).

²¹ [Чокке Г.] Похвала носу. (Г. Цшокке) / пер. В. Ш. // Молва. 1831. № 39. С. 199.

²² Поведение художника Чарткова в «Портрете», получившего червонцы, во всем соответствует соблазнам «Носа»: «Прежде всего зашел к портному, оделся с ног до головы <...>, нанял <...> великолепнейшую квартиру

5. Религиозная подоплека повести

В свое время В. В. Виноградов в качестве еще одного из источников повести «Нос» указал на одноименный французский «анекдот», напечатанный в 1831 г. А. Ф. Воейковым в «Литературных Прибавлениях к Русскому Инвалиду»²³. В. В. Виноградов писал, что в публикации «Литературных Прибавлений...» «передавалась комически грустная исповедь человека, вызывавшего у всех отвращение, насмешки и гонения одним видом своего лица, все черты которого слились в чудовищно-большой нос» [Виноградов, 1921: 84].

К давнему наблюдению В. В. Виноградова следует добавить, что в «анекдоте» о герое с огромным носом описывалось и его «любовное приключение» в соборе Св. Петра в Риме — которое явно напоминает посещение Носом в гоголевской повести Казанского собора:

«Я заметил в церкви Св. Петра <...> редкой красоты молодую девушку. Мало-помалу, видеть Лауретту (так называла мать ее, которая всегда была с нею) сделалось для меня необходимою потребностью. Каждый раз, когда она стояла в церкви на коленях, я был подле ее, рассматривал ее, упоенный любовью и счастьем»²⁴.

Майор Ковалев тоже в самом соборе готов ухаживать за молодой молящейся девушкой, сопровождаемой матерью, — «тоненькая» юная красавица молилась, «как весенний цветочек,

на Невском проспекте, <...> завил у парикмахера себе локоны, прокатился два раза по городу в карете без всякой причины, объелся без меры конфетов в кондитерской и зашел к ресторану-французу <...>. Там он выпил бутылку шампанского, которое тоже доселе было ему знакомо более по слуху» (3/4: 81). Английский пастор и писатель Л. Стерн, влияние которого В. В. Виноградов тоже отмечал в «Носе» [Виноградов, 1921: 82–84], так передавал свои впечатления при въезде в Париж: «Десять кухмистерских лавок! И двадцать парикмахерских! и все это на трехминутной дороге! — Можно подумать, что все повара в свете, собравшись со всеми парикмахерами, сказали: поедем все жить в Париж: Французы любят поест; они все *gourmands* [гурманы; фр.]. — Мы войдем в чины; естли желудок их бог, то повара их должны быть дворянами; но как парик делает человека, а парикмахер делает парик, ergo парикмахеры скажут — мы должны быть еще знатнее...» ([Стерн Л.] Жизнь и мнения Тристрама Шенди. Сочинение Стерна. СПб.: В Имп. тип., 1804. Т. 5. С. 108–109).

²³ Нос (французский анекдот) // Литературные Прибавления к Русскому Инвалиду. 1831. № 72. 9 сент. С. 562–564.

²⁴ Там же. С. 563.

слегка наклонялась и подносила ко лбу свою беленькую ручку с полупрозрачными пальцами» (3/4: 47).

Мотив соблазнов, одолевающих человека даже в храме, — тоже один из сквозных в гоголевском творчестве [Виноградов, 2024а: 886–887]. Из наиболее характерных примеров — соблазнительная сцена, описанная еще в «Ночи перед Рождеством», в цикле повестей «Вечера на хуторе близ Диканьки»:

«А пойдет ли <...> Солоха <...> в церковь, надевши яркую плахту с китайчатою запаскою, <...> и станет прямо близ правого крылоса, то дык уже верно закашливался и прищуривал невольно в ту сторону глаза...» (1/2: 176).

В этом ряду находится и владычествующая в храме красная мертвая панночка в «Вии». И здесь тоже описываются соблазны «носа», одолевающие, даже в церкви, рассеянного, привычного к постоянным удовольствиям человека:

«"Эх, жаль, что во храме Божиим не можно люльки выкурить!" <...> Он подошел ко гробу <...>. Такая страшная, сверкающая красота! Он <...> не утерпел <...> не взглянуть на нее и потом <...> взглянул еще раз. <...> "А понюхать табаку: эх, добрый табак! Славный табак! Хороший табак!" <...> Он вынул из кармана рожок и, прежде нежели поднес табак к носу, робко повел глазами на гроб. Сердце его захолонуло. Труп уже стоял перед ним...» (1/2: 439–440, 442; курсив мой. — И. В.).

Привычное пристрастие к табаку, к «неотлучным» прихотям падшей природы (1/2: 441) приводит к гибели и главного героя «Тараса Бульбы». Через мелочную слабость смерть тоже уже «стоит» перед Тарасом:

«...вдруг Тарас, остановившись и нагнувшись в землю, сказал: "Стой, братцы! уронил люльку". В это самое время он <...> был схвачен набежавшим с тыла отрядом...» (7: 251).

(Уместно вспомнить известное изречение гоголевского земляка Григория Сковороды: «Мир ловил меня, но не поймал»²⁵.)

²⁵ Прямым комментарием к образу любителя «люльки» Тараса, пойманного врагами, может служить «трубочная» тема в других гоголевских произведениях. В «Невском проспекте» рассказчик иронически замечает, что «уже так Провидение устроило, что где офицеры, там и трубки» (3/4: 36). В «Мертвых душах» бывший офицер Манилов по поводу пристрастия

Еще в годы создания «Вечеров...» Гоголь и у А. С. Пушкина, в поэме «Домик в Коломне», прочел признания лирического героя о том, как вместо молитвы он наблюдает в храме за красивой женщиной:

«Она была богата, молода; / Входила в церковь с шумом, величаво; / Молилась гордо (где была горда!) / Бывало, грешен! все гляжу направо, / Все на нее»²⁶.

В отличие от пушкинского героя, оставляющего молитву в наблюдении за красавицей, в гоголевской повести падкость на соблазны пронизанного чувственностью «носа» соседствует с его показной «набожностью», демонстрируемой в Казанском соборе:

«Нос <...> с выражением величайшей набожности молился. <...> ...нос ни на минуту не оставлял набожного своего положения и отвечивал поклоны» (3/4: 45–46).

Лицемерная «молитва» майорского «носа» — псевдодуховный, мнимый «разговор души с Богом» — имеет у Гоголя соответствующую «богословскую» историю. О кощунственно-«набожном» купце в «Женитьбе», — который, подобно «носу» майора Ковалева, «совмещает» в своем поведении и молитву, и предосудительное вожделение, — в комедии говорится:

«...батюшка-то их <...> так *покушивал*, что только, бывало, <...> приговаривает: "*душа с Богом говорит*"» (курсив мой. — И. В.)²⁷.

к трубке сообщает, что в его полку служил один «поручик, <...> который не выпускал изо рта трубки не только за столом, но даже, с позволения сказать, во всех прочих местах» (5: 33). В «Коляске» Чертокуцкий, тоже бывший офицер, упоминает о том, что у него во время службы в армии было «два чубука <...> такие длинные, как, с позволения сказать, солитер» (3/4: 151). Здесь же рассказывается, что генерал с офицерами курят трубки «с длинными и короткими чубуками» (3/4: 149). В свою очередь воинственный Ноздрев хвалится целой коллекцией трубок — «деревянных, глиняных, пенковых, обкуранных и необкуранных, обтянутых замшею и необтянутых» и «чубуком с янтарным мундштуком» (5: 74). Эти сатирические образы с наглядностью указывают, что не героизм и патриотизм движут Тарасом, не желающим, «чтобы и люлька досталась вражьи́м ляхам» (1/2: 411), но вполне заурядная страсть.

²⁶ Пушкин А. С. Домик в Коломне // Новоселье. СПб.: В Тип. вдовы Плюшар с сыном, 1833. С. 117.

²⁷ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: в 14 т. Т. 5 / тексты и коммент. подгот. М. П. Алексеев, Н. И. Мордовченко, А. А. Назаревский и др. С. 309.

Подобные реплики героев Гоголя — «более сластолюбивых, нежели боголюбивых, имеющих вид благочестия, силы же его отрекшихся» (2 Тим. 3:4–5) — В. И. Шенрок называл «циническими» [Тихонравов, Шенрок: 566]. О «храмовом» «чревоугодии» как языческом «богослужении» — для тех, кому «бог — чрево» (Флп. 3:19) (кто поставил себе «чрево вместо бога»²⁸), — Гоголь тоже упоминал неоднократно [Виноградов. Летопись; т. 2: 609].

В 1959 г. писатель русского зарубежья Н. И. Ульянов указывал, что «в посещении собора — весь смысл короткой биографии Носа» [Ульянов, 1959: 127]. Однако тут же исследователь допускал, что в «набожности» молящегося в храме Носа якобы заключена пародия на «молитву и молящихся», звучит «едкая насмешка над христианским благочестием» [Ульянов, 1959: 127]. Мнение это не находит себе никакого подтверждения в самой повести. Какой-либо насмешки над «молящимися» и «христианским благочестием» в образе лицемерного Носа на самом деле нет — как и во всех других образах, где Гоголь высмеивает «пошлые» «повседневные характеры» — «мертвые души» (5: 129). «Бытовой площадкой» для достижения личных целей является, например, церковь и для Чичикова — тот тоже занят здесь осуществлением своей карьеры: узнал, «в какую церковь» приходит дочь начальника «по воскресным дням», «становился всякий раз насупротив ее, чисто одетый, накрахмаливши сильно манишку, — и дело возымело успех: пошатнулся суровый понытчик и зазвал его на чай!» (5: 222). Однако, никакой «насмешки» над храмом или над воскресными днями в этом изображении лицемерного героя, безусловно, тоже нет. Гоголь обличает исключительно псевдоблагочестие, новое язычество, маскирующееся во внешней навязанной ему обстановке в христианские одежды, — подобно тому, как еще один герой Гоголя, Городничий в «Ревизоре», заявляет, что братья взятки «Самим Богом устроено, и волтерианцы напрасно против этого говорят» (3/4: 223). Уместно отметить, что Н. И. Ульянов в своем анализе гоголевской повести был довольно

²⁸ [Димитрий Ростовский, свт.] Книга житий святых. Киев: Киевопечерская Лавра, 1764. [Т. 3]. На три месяца третья, еже есть: Март, Апрель и Май. Л. 153 об.

непоследователен. С одной стороны, он заявлял о крайней, гипертрофированной набожности Гоголя, с другой, — противореча самому себе, допускал возможность пародирования в повести предметов христианского благочестия. Исследователь считал, что Гоголя, «как Катерину из "Грозы" Островского, погубила грубо намалеванная картина вечных мук» [Ульянов, 1959: 131], что писатель давно, уже со времени создания «Носа», «гильотинировал» свои художественные замыслы в угоду религии (чем якобы создал для себя «настоящий ад» [Ульянов, 1959: 118]). В таких приговорах исследователь, возможно, следовал своему давнему марксистскому прошлому (до эмиграции Н. И. Ульянов был кандидатом в члены ВКП(б) и сотрудником многих советских научных учреждений, в том числе Коммунистической академии). По мнению интерпретатора, *само христианство* до XV в. носило якобы другой характер, а затем превратилось в «кошмар» [Ульянов, 1959: 130]. Наследником этого «кошмара» и стал, по мнению комментатора, Гоголь, представитель «церковного контрнаступления на реформацию и гуманизм» [Ульянов, 1959: 130]. Христианскую «боязнь Судного Дня», переживание страха загробных мук, глубоко присущие Гоголю, — исследователь называл «болезненными» [Ульянов, 1959: 131]. Таким образом, усматривая в «Носе», с одной стороны, пародию на «молящихся» и «христианское благочестие», Н. И. Ульянов тут же провозглашал обратное — заявлял, что Гоголь был «запуган Страшным Судом» и что им преимущественно «владела идея спасения» [Ульянов, 1959: 130] (странное пренебрежение к «идее спасения» — понятию важнейшему для христианского сознания, — по-видимому, тоже является наследием марксистской идеологии, которой ранее следовал автор). Сама укорененность Гоголя в христианстве оценивалась Н. И. Ульяновым негативно как «проповедь <...> не очень высокого уровня» [Ульянов, 1959: 130]²⁹. Особое художественно-проповедническое слово писателя в очередной раз оказалось, таким образом, истолкованным превратно.

²⁹ При позднейшей перепечатке в России статьи Н. И. Ульянова наиболее одиозные его высказывания были сокращены (см.: [Ульянов, 2000]).

6. «Нос»: от «Вечеров...» до «Мертвых душ»

Влияние переводного источника — анонимного французского анекдота «Нос» — В. В. Виноградов указывал исключительно для одноименной гоголевской повести. Однако французский материал сказался не только в истории «носа» майора Ковалева (и не только в образе сельского дьяка, прельщающегося Солохой). Много ранее, непосредственно в год публикации А. Ф. Воейковым переводной новеллы, эта журнальная публикация еще раз нашла отражение в «Вечерах на хуторе близ Диканьки». Кроме образа обольстительной Солохи в деревенском храме (родственной красавице Лауретте, разглядываемой французским героем-«носом» в римском соборе Св. Петра), содержание переводного анекдота воплотилось в облике еще одного персонажа диканьского цикла — сластолюбивого колдуна в «Страшной мести».

«Сам сатана-дьявол захотел подшутить надо мною»³⁰, — сообщает в «Носе» майор Ковалев о пропаже «нюхательной части» своего тела (3/4: 62). Именно этот «демонологический» мотив «Носа» («...сатана потащил <...> за нос...»; 3/4: 210) и был воплощен ранее в «Страшной мести». Здесь изображен колдун, которому «всё чудилось, что все смеются над ним» (1/2: 211). — Точно такими же насмешками сопровождают окружающие главного героя французского анекдота «Нос» (отмеченного В. В. Виноградовым) — из-за *носа* героя, который был так длинен, «какой <...> невозможно нигде видеть»:

«...все <...> хохотали во все горло <...> и кидали в него чем попало...»³¹.

(Прочувствовать проблемы подобных героев Гоголю было тем легче, что сам он, как известно, имел длинный, «похожий на птичий» нос; 11: 135.)

В «Страшной мести» длинный нос оказывается у осмеиваемого колдуна:

«Когда же есаул поднял иконы, вдруг все лицо его переменялось: нос вырос и наклонился на сторону...» (1/2: 210).

³⁰ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: в 14 т. Т. 3. С. 393.

³¹ Нос (французский анекдот). С. 562.

Обличаемый колдун-грешник, испытывающий преступное влечение к родной дочери, — явившийся на ее свадьбе с «выросшим», «наклонившимся на сторону» носом, — явный «прототип» в гоголевском творчестве грехолюбивого, с чувственным «носом», майора Ковалева.

В фельетоне Г. Чокке «Похвала носу» (еще одном из упомянутых источников «Носа») говорится:

«К несчастью, мы встречаем столько людей, с совершенно прямым носом, которые идут по худой дороге и <...> так любят извилины, что не могли бы дойти и до неба по прямой тропинке»³².

Гоголь, подразумевая «искривленные», «худые дороги» высмеиваемых им героев — тернистые пути тщеславных, напыщенных, чувственных, жадных «носов» «Страшной местности», «Носа», «Записок сумасшедшего» и др., — тоже призывал читателей смеяться не над «кривым носом человека», но над «кривою душою человека» («Театральный разъезд после представления новой комедии»; 3/4: 455). Смех в «Носе» раздается именно над «пошлым», «кривым» поведением обывателя — а не над пропажей его носа. Этому нравственному направлению повести соответствует и последующее творчество Гоголя. Без явной, будоражащей воображение фантастики обличительные мотивы «Носа» были развиты Гоголем в «Мертвых душах». В числе прочего здесь был выведен образ чиновника-взяточника с «кувшинным рылом»:

«...вся середина лица выступала у него вперед и пошла в нос, — словом, это было то лицо, которое называют в общежитье кувшинным рылом» (5: 138).

Ноздрев в поэме, по-видимому, подразумевая — по воле автора — это (или похожее) «кувшинное рыло», «поясняет»:

«А какой, если б ты знал, волокита Кувшинников! Мы с ним были на всех почти балах. <...> Поверишь ли, простых баб не пропустил» (5: 65).

Кроме комических частностей, религиозно-нравоучительное содержание «Носа» сказалось в самом замысле «Мертвых душ», в их «типологии». Содержание ранней повести непосредственно

³² [Чокке Г.] Похвала носу. С. 163.

связано с размышлениями Гоголя в поэме о жизненных увлечениях и «задорах», которыми руководствуются («водятся за нос») его «мертвые души»:

«У всякого есть свой задор: у одного задор обратился на борзых собак; другому кажется, что он сильный любитель музыки <...>, третий мастер лихо пообедать...» (5: 25)³³.

О том же Ноздре, о его «задоре», в поэме сообщается:

«Чуткий *нос* его слышал за несколько верст, где была ярмарка со всякими съездами и балами...» (5: 69; курсив мой. — И. В.).

Как остроумно подметил Ф. М. Достоевский (понимавший Гоголя много проницательнее последующих исследователей), «Ноздрев-то ведь <...> не Ноздрев, а Носов...» [Достоевский: 381].

7. Урок нечувствия

Изображая в «Носе», как и в других произведениях, «неважные дела и пустоту жизни» (12: 112), Гоголь делал это, безусловно, не без «пользы» для читателя. По его словам, высказанным в письме к о. Матфею Константиновскому, целью всего его писательства было именно показать современникам — «темной моей братии, живущей в мире, играющей жизнью, как игрушкой», — «что жизнь — не игрушка» (письмо от апреля 1850 г.; 15: 318). «Странности» и фантастика гоголевской повести прямо связаны с общим назидательным характером гоголевского творчества.

Однако нравственный урок повести, обращенный автором к герою и читателям, никто, к сожалению, по-прежнему не слышит (наглядно это наблюдается, как было отмечено, в исследовательских работах «вокруг "Носа"» [Бочаров, 1993]³⁴). Между тем Гоголь это тоже предвидел. Более того, «невосприимчивость» к духовным урокам стала прямым предметом писательского изображения в самом «Носе» — и не только в «Носе». Уже в самом первом появившемся в печати «малороссийском» произведении Гоголя (майор Ковалев, как отмечалось, герой с украинскими корнями) содержится обращение ко всем настоящим и будущим «мертвым

³³ Подробнее см.: [Виноградов, 2024b: 46].

³⁴ См. раздел 1-й наст. статьи.

душам», противящимся «залогу Духа», свидетельствующему в каждом об иной жизни (Мф. 12:41–42; 2 Кор. 5:5):

«...несмотря на все усилия отца Афанасия растрогать своих прихожан проповедью, он только мог видеть широкие их пасти, которые они со всем усердием показывали в продолжение его речей»³⁵.

Позднее Гоголь, обращаясь к проблеме проповеди, писал, что пастырское слово очень часто остается втуне, люди бывают «глухи» к словам священника (6: 94). Не без горечи он отмечал, что «многие из духовных <...> уныли <...> <и> почти уверились, что их теперь никто не слушает, что слова и проповедь роняются на воздух — и зло пустило так глубоко свои корни, что нельзя уже и думать об его искорененье» (6: 94).

Гоголь намеренно провел майора Ковалева через целую вереницу испытаний. Однако все эти испытания вразумляющим уроком для героя так и не стали. Изображая судьбу страдающего от своей «пошлости» персонажа, Гоголь оставался реалистом. Причиной нераскаянности майора Ковалева является, по Гоголю, его душевная неразвитость. В удручающих жизненных обстоятельствах коллежский асессор Ковалев, как и другие гоголевские герои, способен лишь впадать из одной крайности в другую — не менее опасную — из обольщения в отчаяние:

«...бедный Ковалев вдруг из величайшей *радости* повергнулся в самую глубокую *горесть*» (курсив мой. — И. В.)³⁶.

Все случившееся оказывается для героя тщетным. Найдя свой нос на месте, Ковалев тут же «поспешил <...> одеться, взял извозчика и поехал прямо в кондитерскую»:

«И <...> с тех пор прогуливался как ни в чем не бывало и на Невском проспекте, и в театрах, и везде. <...> И после <...> майора Ковалева видели вечно в хорошем юморе, улыбающегося, преследующего решительно всех хорошеньких дам...» (3/4: 62–63).

³⁵ [Гоголь Н. В.] Бисаврюк, или Вечер накануне Ивана Купала. Малороссийская повесть (из народного предания), рассказанная дячком Покровской церкви // Отечественные Записки. 1830. Ч. 41. Февраль. № 118. С. 251.

³⁶ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: в 14 т. Т. 3. С. 398.

Едва обретя нос, герой, «улыбаясь в зеркало», уже спрашивает лакея:

«Что, не спрашивала ли майора Ковалева одна девчонка, такая хорошенькая собою?»³⁷.

Св. апостол Павел обращается к христианам: «Разве не знаете, что тела ваши суть члены Христовы?» (1 Кор. 6:15). Однако для майора Ковалева проблемы «отниму ли члены у Христа, чтобы сделать их членами блудницы» (1 Кор. 6:15) не существует.

Подобным образом Городничий в «Ревизоре» должных уроков из угрозы ревизии тоже не извлекает, но, «увидевши, что ревизор <...> с ним вступил в родню, <...> предается буйной радости» (3/4: 474). Когда же надежды не оправдываются, то «внезапное объявление о приезде настоящего ревизора для него больше, чем для всех других, громовой удар», «положенье» его «становится истинно трагическим» (3/4: 474).

Пережив из-за утраты «носа» мучительные душевные потрясения, испытав несколько «душевных революций»³⁸, майор Ковалев не исправляется. Будучи близок к духовному прозрению («Боже мой! Боже мой! За что это такое несчастье?» — восклицает он в горести; 3/4: 54), Ковалев ведет себя так же, как другие герои Гоголя, обманутые соблазнами мира и впадающие от этого в отчаяние. Их состояние Гоголь осмысляет как последовательную, закономерную смену «излишнего очарования» карающим «разочарованием» [Виноградов, 2000: 302–306]. Так, «сокрушительным конфузом» мстит за себя «эйфорическое самозабвение» еще одного героя Гоголя — «пошлого» отставного «кавалериста» Чертокуцкого в повести «Коляска» [Венедиктова: 182].

Предостерегая от обольстительного, доводящего до хандры упоения, Гоголь советовал:

«Запасаться нужно в хорошее время на дурное и неурожайное: умерять дух нужно в веселые минуты мыслями о главном в жизни — о смерти, о будущей жизни, затем, чтобы легче и светлее было в минуты тяжелые» (9: 707).

Ничего этого не знает, к примеру, приверженный миру (как и герой «Носа») корыстолюбивый торговец Янкель в «Тарасе

³⁷ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: в 14 т. Т. 3. С. 399.

³⁸ Там же. С. 395.

Бульбе» — один из тех предприимчивых деятелей, что, пронюхав носом ярмарку, бросаются за прибылью («жиды полсотнею отправляются <...> во все города, где только слышит их *нос* ярмарку»; 1/2: 425; курсив мой. — И. В.). Зато корыстолюбец очень хорошо представляет себе то отчаяние, которое настигает человека, всеми силами души преданного богатству. Глядя на принесенные Тарасом «червонцы», Янкель произносит:

«...я думаю, тот человек, у которого пан обобрал такие хорошие червонцы, и часу не прожил на свете, пошел тот же час в реку, да и утонул там после таких славных червонцев» (1/2: 395).

В черновой редакции «Носа» рассказчик тоже замечал, как Ковалев от душевных переживаний, от невозможности вести прежнюю, полную удовольствий жизнь, «в продолжении месяца так исхудал и иссох, что был похож больше на *мертвеца*, нежели на человека и даже...» (курсив мой. — И. В.)³⁹. Следующее в конце этой фразы отточие — тоже авторское. По-видимому, это новое многозначительное отточие подразумевает, что итог разочарования героя мог быть еще плачевнее.

Обращаясь к загадке разочарования одного «знакового» героя — пушкинского байронического «Чайльд-Гарольда», Онегина, — Гоголь писал:

«...некогда с легкой руки Шиллера пронеслось было по всему свету *очарование* и стало модным, <...> потом с тяжелой руки Байрона пошло в ход *разочарование*, порожденное, может быть излишним очарованием...» (6: 188).

«Ключ» к разгадке проблемы Гоголь, по-видимому, нашел, в числе прочего, тоже у Пушкина — в стихотворении «К***» («Не спрашивай, зачем унылой думой...»):

«...От юности, от нег и сладострастья / Останется уныние одно...»⁴⁰.

Сестре Анне в 1844 г. Гоголь в свою очередь советовал:

«Прежде всего ты должна поблагодарить Бога за ту тоску, которая на тебя находит. <...> Тоска эта — следствие пустоты, следствие бесплодности твоего прежнего веселья» (12: 416–417).

³⁹ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: в 14 т. Т. 3. С. 399.

⁴⁰ [Пушкин А. С.] Стихотворения Александра Пушкина. СПб.: В Тип. Департамента народного просвещения, 1826. С. 117.

Взаимосвязанные состояния очарования и отчаяния, «радости» и «тоски» описываются в самой истории утраты героем «носа». Если скупой, расчетливый Шиллер в «Невском проспекте» до крайности огорчен расходами на табак (отчего готов отрезать себе нос), то проклятия табаку майора Ковалева объясняются противоположными причинами — той досадой, которую он испытывает из-за того, что с утратой органа обоняния прежние «радости» стали ему недоступны:

«Я теперь не могу смотреть на него, и не только на скверный ваш березинский, но хоть бы вы поднесли мне самого рапе» (3/4: 52).

Чувственные пристрастия, привычка к табаку, вызывают ненависть к самому предмету вожделения, доступ к которому оказался «отрезан», — что в целом и ввергает героя в отчаяние. Обольщение и соблазн — главный руководитель героя «Носа» во всех его поступках.

В наброске «<Фонарь умирал>» Гоголь, завершая описание огромного «треугольника» Носа, заключал, что подобные лица (состоящие из одного носа) «более всего выражают глупость»:

«Это был треугольник, вершина которого находилась в носе: лица, которые более всего выражают глупость» (7: 123).

Главный герой повести о Носе тоже подчеркнуто глуп. Но «глупость» его заключается, по Гоголю, не столько в недостатке интеллектуальных способностей, сколько в том, что герой полностью погружен в стихию вожделений, слепо следует своей падшей природе. Трагическая «безрезультатность» истории, случившейся со столичным «пошлым» обывателем, — возвращение его к прежнему самодовольству — составляет замкнутый круг. «Самоуправная» логика чувственности, водящая человека «за нос», определяет не только его повседневные поступки, но и служит главным препятствием к его прозрению. Как только прекратилось тяжелое испытание — тут же отдаляется, на неопределенное расстояние, и наметившееся прозрение. «Подумаю *и* о душе...» — обещает во втором томе «Мертвых душ» главный герой Чичиков (тоже ввергнутый неблагоприятными обстоятельствами в крайнее отчаяние; 5: 356; курсив мой. — И. В), — однако после освобождения из острога Чичиков снова в «очаровании»: опять «в духе», занимается «весьма покойно <...>

довольно порядочным обедом» (5: 364), идет к купцу — у которого приобретал ранее сукно для фрака (разорванного в отчаянии) — «сукно наваринского пламени с дымом» (5: 350), — берет «вновь четыре аршина на фрак и на штаны» и отправляется к портному (5: 365). — Какие-то необратимые, важные изменения в характере героя, впрочем, все-таки наблюдаются. Автор, ищущий путей спасения для своих современников, добавляет, что это уже был не прежний Чичиков, а какая-то «развалина прежнего Чичикова»:

«Можно было сравнить его внутреннее состояние души с разобраным строением, которое разобрано с тем, чтобы строить из него же новое; а новое еще не начиналось, потому что не пришел от архитектора определительный план, и работники остались в недоуменье» (5: 366).

В «Носе» этой перспективы еще не видно. Пора постройки нового для героя еще не настала. Похожим образом, только проблемском, с последующим возвращением в прежнее состояние, в безумие, намечается у Гоголя покаяние «блудного сына» Поприщина в «Записках сумасшедшего». О нравственном пробуждении таких характеров — героев, душа которых покрыта «грубою корою», — Гоголь замечал, что «труден к ним <путь> и Самому Создателю» (12: 100). Наглядная, очевидная «безрезультатность» истории об исчезнувшем носе — это тоже нравоучение Гоголя своему читателю.

Таким образом, ничего невероятного превращение страстных желаний человека в «нос» — разъезжающий по Петербургу «в мундире, шитом золотом», в «шляпе с плюмажем» (3/4: 45) (подобно самодовольному Чичикову, красующемуся во втором томе «Мертвых душ» в «ермолке, вышитой золотом» (5: 335), или Андрию — в сияющих золотом польских доспехах) — в гоголевском мире, очевидно, не представляет. «Законное» право художника для большей наглядности и выразительности прибегать и к фантастическому жанру. Недоумение читателей на этот счет можно сравнить с замечанием обличаемого в «Ревизоре» уездного чиновника: «Совсем неправдоподобно: где ж свинья в ермолке бывает?» (7: 452).

Писатель предлагает каждому увидеть в «зеркале» «Носа» самого себя и, задумавшись над «окамененным нечувствием» героя, вынести из фантастической притчи реальный урок.

Список литературы

1. Анненский И. Ф. О формах фантастического у Гоголя // Русская школа. 1890. № 10. С. 93–104.
2. Бочаров С. Г. Загадка «Носа» и тайна лица // Бочаров С. Г. О художественных мирах: Сервантес, Пушкин, Баратынский, Гоголь, Достоевский, Толстой, Платонов. М.: Сов. Россия, 1985. С. 124–260.
3. Бочаров С. Г. Вокруг «Носа» // Вопросы литературы. 1993. № 4. С. 69–92 [Электронный ресурс]. URL: <https://voplit.ru/article/vokrug-nosa/> (10.07.2026). EDN: PJUYKM
4. Бычкова А. Ю. Карнавальный субстрат ассоциации мотивов носа и еды в повести Н. В. Гоголя «Нос» // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения: мат-лы VIII Всерос. науч.-практ. конф. молодых ученых (27–28 апреля 2007 г.): в 2 ч. / под ред. Д. А. Олицкой. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2008. Ч. 1: Литературоведение. С. 43–45.
5. Венедиктова Т. Д. Из пира в мир, или Заложник грезы. (Писательский «анекдот» от В. Ирвинга и Н. В. Гоголя) // Вопросы литературы. 2003. № 3. С. 168–187 [Электронный ресурс]. URL: <https://voplit.ru/article/iz-pira-v-mir-ili-zalozhnik-grezy-pisatelskij-anekdot-ot-v-irvinga-i-n-v-gogolya/> (10.07.2026).
6. Виноградов В. В. Сюжет и композиция повести Гоголя: «Нос» // Начала. Журнал истории литературы и истории общественности. 1921. № 1. С. 82–105.
7. Виноградов И. А. Гоголь — художник и мыслитель: христианские основы мирозерцания. М.: ИМЛИ РАН: Наследие, 2000. 448 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://biblio.imli.ru/images/abook/russlitteratura/Vinogradov-Gogol-hudozhnik-i-myslitel-2000.compressed.pdf?ysclid=mlglubtg7q37702436> (10.07.2026). EDN: QUKGGL
8. Виноградов И. А. Летопись жизни и творчества Н. В. Гоголя (1809–1852). С родословной летописью (1405–1808): в 7 т. М.: ИМЛИ РАН, 2017–2018. 736 + 672 + 672 + 704 + 928 + 656 + 640 с. EDN: ZPRZKR; ZPRZLV; ZPRZOD; VQBAXV; VQBGSI; YSIWHJ; YSIWZF
9. Виноградов И. А. Концепт закона в творчестве Н. В. Гоголя // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18. № 2. С. 64–86 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1591635891.pdf (10.07.2026). DOI: 10.15393/j9.art.2020.7942. EDN: IYCKTL (a)
10. Виноградов И. А. Послужной список Городничего в «Ревизоре». К характеристике политических взглядов Н. В. Гоголя // Литературный факт. 2020. № 1 (15). С. 237–282 [Электронный ресурс]. URL: https://litfact.ru/images/2020-15/LF-2020-1-15_237-282_Vinogradov.pdf (10.07.2026). DOI: 10.22455/2541-8297-2020-15-237-282. EDN: ABFRSW (b)
11. Виноградов И. А. Чичиков: смысл прозвища героя «Мертвых душ» // Русская речь. 2023. № 5. С. 93–105 [Электронный ресурс]. URL: <https://russkayarech.ru/ru/archive/2023-5/93-105> (10.07.2026). DOI: 10.31857/S013161170028369-4. EDN: JZKSKJ

12. Виноградов И. А. Гоголевская энциклопедия. Произведения, наброски, подготовительные материалы: в 7 т. М.: ИМЛИ РАН: Река времен, 2024. Т. 1: А–Ж. 1024 с. DOI: 10.22455/978-5-9208-0749-6. EDN: ZHMYMG (a)
13. Виноградов И. А. «Романтик» Поприщин: история замысла повести Н. В. Гоголя «Записки сумасшедшего». Часть 2 // Stephanos. 2024. № 4 (66). С. 40–75 [Электронный ресурс]. URL: <https://stephanos.ru/izd/2024/2024-66-5.pdf> (10.07.2026). DOI: 10.24249/2309-9917-2024-66-4-40-75. EDN: GDCSSF (b)
14. Виноградов И. А. Христианский град Оксиринх. К истории «душевного города» Н. В. Гоголя // Два века русской классики. 2025. Т. 7. № 1. С. 44–161 [Электронный ресурс]. URL: https://rusklassika.ru/images/2025-7-1/3_Vinogradov.pdf (10.07.2026). DOI: 10.22455/2686-7494-2025-7-1-44-161. EDN: WMXPOM (a)
15. Виноградов И. А. От «Коляски» к «Мертвым душам»: трансформация двух «поэм» Н. В. Гоголя // Проблемы исторической поэтики. 2025. Т. 23. № 2. С. 51–117 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1748514128.pdf (10.07.2026). DOI: 10.15393/j9.art.2025.15043. EDN: PNUJMQ (b)
16. Гиппиус В. Гоголь. Л.: Мысль, 1924. 237 с.
17. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: в 14 т. Л.: АН СССР, 1938. Т. 3 / тексты и коммент. подгот. И. Я. Айзеншток, В. Л. Комарович, Н. И. Мордовченко и др. 728 с.; 1949. Т. 5 / тексты и коммент. подготовили М. П. Алексеев, Н. И. Мордовченко, А. А. Назаревский и др. 511 с.
18. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: в 17 т. (15 кн.) / сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009–2010.
19. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: в 23 т. М.: Наука, 2009. Т. 3 / тексты подгот. Л. В. Дерюгина; коммент. подгот. С. Г. Бочаров, Л. В. Дерюгина. 1016 с.
20. Гуковский Г. А. Реализм Гоголя. М.; Л.: Гос. изд-во художеств. лит., 1959. 531 с.
21. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1976. Т. 14. 512 с.
22. Зеньковский В., проф., прот<опресвитер>. Н. В. Гоголь. Париж: YMCA-PRESS, <1961>. 262 с.
23. Изотова Е. В. О последней строке «Записок сумасшедшего» Н. В. Гоголя // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2008. № 1 (2). С. 57–61 [Электронный ресурс]. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_11686698_64947793.pdf (10.07.2026). EDN: JVTGDV
24. Крюков В. М. След птицы тройки: другой сюжет «Братьев Карамазовых». М.: Памятники ист. мысли, 2008. 536 с.
25. Лотман Ю. М. О «реализме» Гоголя // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение / ред. Л. Н. Киселева. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 1996. С. 11–35. (Сер.: Новая серия; 2.)

26. Магазаник Л. Э. «Нос»: морфология и метафизика имени и тропа // Академические тетради. [1996]. № 3. С. 94–129.
27. [Мандельштам И. Е.] О характере гоголевского стиля. Глава из истории русского литературного языка. И. Мандельштама, профессора Гельсингфорсского университета. СПб.; Гельсингфорс: Новая тип. Гувудстадсбладет, 1902. 406 с.
28. Плетнева А. А. Повесть Н. В. Гоголя «Нос» и лубочная традиция // Новое литературное обозрение. 2003. № 3 (61). С. 152–163. EDN: HSDXFN
29. [Тихонравов Н. С., Шенрок В. И.] Примечания редактора и варианты // [Гоголь Н. В.] Соч. Н. В. Гоголя: текст сверен с собственноручными рукописями автора и первоначальными изданиями его произведений Н. Тихонравовым и В. Шенроком: в 7 т. 10-е изд. М.; СПб.: Изд. А. Ф. Маркса, 1896. Т. 6. С. 542–827.
30. Ульянов Н. И. Арабеск или Апокалипсис? // Новый журнал. Нью-Йорк, 1959. Кн. 57. С. 116–131 [Электронный ресурс]. URL: <https://newreviewinc.com/pdf/1959/57.pdf> (10.07.2026).
31. Ульянов Н. Арабеск или Апокалипсис? // Юность. 2000. № 7–8. С. 76–81.
32. Фуксон Л. Ю. К истолкованию повести «Нос» // Сибирский филологический журнал. 2019. № 1. С. 75–81 [Электронный ресурс]. URL: https://www.philology.nsc.ru/journals/spj/pdf/2019_1/06.pdf (10.07.2026). DOI: 10.17223/18137083/66/6. EDN: YZRCRV
33. Чудаков Г. И. Отношение творчества Н. В. Гоголя к западноевропейским литературам // Университетские известия. 1908. № 8. С. 101–126.

References

1. Annenskiy I. F. On the Forms of the Fantastic in Gogol. In: *Russkaya shkola [Russian School]*, 1890, no. 10, pp. 93–104. (In Russ.)
2. Bocharov S. G. The Riddle of “The Nose” and the Secret of the Face. In: *Bocharov S. G. O khudozhestvennykh mirakh: Servantes, Pushkin, Baratynskiy, Gogol', Dostoevskiy, Tolstoy, Platonov* [Bocharov S. G. *On the Artistic Worlds: Cervantes, Pushkin, Baratynsky, Gogol, Dostoevsky, Tolstoy, Platonov*]. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1985, pp. 124–260. (In Russ.)
3. Bocharov S. G. Around “The Nose”. In: *Voprosy literatury*, 1993, no. 4, pp. 69–92. Available at: <https://voplit.ru/article/vokrug-nosa/> (accessed on July 10, 2026). EDN: PJUYKM (In Russ.)
4. Bychkova A. Yu. The Carnival Substratum of the Association of the Motifs of the Nose and Food in N. V. Gogol's Short Novel “The Nose”. In: *Aktual'nye problemy lingvistiki i literaturovedeniya: materialy VIII Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii molodykh uchenykh (27–28 aprelya 2007 g.): v 2 chastyakh* [Actual Problems of Linguistics and Literary Studies: Proceedings of the 8th All-Russian Scientific and Practical Conference of Young

- Scientists (April 27–28, 2007): in 2 Parts*. Tomsk, Tomsk State University Publ., 2008, part 1: Literary Studies, pp. 43–45. (In Russ.)
5. Venediktova T. D. From the Feast to the World, or the Hostage of a Dream. (A Writer's "Anecdote" from W. Irving and N. V. Gogol). In: *Voprosy literatury*, 2003, no. 3, pp. 168–187. Available at: <https://voplit.ru/article/iz-pirav-mir-ili-zalozhnik-grezy-pisatelskij-anekdot-ot-v-irvinga-i-n-v-gogolya/> (accessed on July 10, 2026). (In Russ.)
 6. Vinogradov V. V. Plot and Composition of Gogol's Short Novel: "The Nose". In: *Nachala. Zhurnal istorii literatury i istorii obshchestvennosti* [Beginnings. Journal of the History of Literature and the History of Society], 1921, no. 1, pp. 82–105. (In Russ.)
 7. Vinogradov I. A. *Gogol' — khudozhnik i myslitel': khristianskie osnovy mirosozertsaniya* [Gogol — Artist and Thinker: Christian Foundations of Worldview]. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., Nasledie Publ., 2000. 448 p. Available at: <https://biblio.imli.ru/images/abook/russliteratura/Vinogradov-Gogol-hudozhnik-i-myslitel-2000.compressed.pdf?ysclid=mlglubtg7q37702436> (accessed on July 10, 2026). EDN: QUKGGL (In Russ.)
 8. Vinogradov I. A. *Letopis' zhizni i tvorchestva N. V. Gogolya (1809–1852). S rodoslovnoy letopis'yu (1405–1808): v 7 tomakh* [Chronicle of Life and Works of N. V. Gogol (1809–1852). With a Genealogical Chronicle (1405–1808): in 7 Vols]. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2017–2018, vol. 1–7. 736 + 672 + 672 + 704 + 928 + 656 + 640 p. EDN: ZPRZKR; ZPRZLV; ZPRZOD; VQBAXV; VQBG-SI; YSIWHJ; YSIWZF (In Russ.)
 9. Vinogradov I. A. The Concept of Law in the Works of Nikolai Gogol. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2020, vol. 18, no. 2 pp. 64–86. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1591635891.pdf (accessed on July 10, 2026). DOI: 10.15393/j9.art.2020.7942. EDN: IYCKTL (In Russ.) (a)
 10. Vinogradov I. A. The Mayor's Career in "The Government Inspector". On Nikolai Gogol's Political Views. In: *Literaturnyy fakt* [Literary Fact], 2020, no. 1 (15), pp. 237–282. Available at: https://litfact.ru/images/2020-15/LF-2020-1-15_237-282_Vinogradov.pdf (accessed on July 10, 2026). DOI: 10.22455/2541-8297-2020-15-237-282. EDN: ABFRSW (In Russ.) (b)
 11. Vinogradov I. A. Chichikov: the Name of the Main Character of "Dead Souls". In: *Russkaya rech'* [Russian Speech], 2023, no. 5, pp. 93–105. Available at: <https://russkayarech.ru/ru/archive/2023-5/93-105> (accessed on July 10, 2026). DOI: 10.31857/S013161170028369-4. EDN: JZKSKJ (In Russ.)
 12. Vinogradov I. A. *Gogolevskaya entsiklopediya. Proizvedeniya, nabroski, podgotovitel'nye materialy: v 7 tomakh* [Gogol Encyclopedia. Works, Sketches, Preparatory Materials: in 7 Vols]. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., Reka vremeni Publ., 2024, vol. 1. 1024 p. DOI: 10.22455/978-5-9208-0749-6. EDN: ZHMYMG (In Russ.) (a)
 13. Vinogradov I. A. "Romantic" Poprishchin: History of the Concept of N. V. Gogol the Short Novel "Diary of a Madman". Part 2. In: *Stephanos*, 2024, no. 4 (66), pp. 40–75. Available at:

- 66-5.pdf (accessed on July 10, 2026). DOI: 10.24249/2309-9917-2024-66-4-40-75. EDN: GDCSSF (In Russ.) (b)
14. Vinogradov I. A. Christian City Oxyrhynchus. On the History of N. V. Gogol's "Spiritual City". In: *Dva veka russkoy klassiki* [Two Centuries of Russian Classics], 2025, vol. 7, no. 1, pp. 44–161. Available at: https://rusklassika.ru/images/2025-7-1/3_Vinogradov.pdf (accessed on July 10, 2026). DOI: 10.22455/2686-7494-2025-7-1-44-161. EDN: WMXPOM (In Russ.) (a)
 15. Vinogradov I. A. From "The Carriage" to "Dead Souls": the Transformation of Two "Poems" by N. V. Gogol. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2025, vol. 23, no. 2, pp. 51–117. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1748514128.pdf (accessed on July 10, 2026). DOI: 10.15393/j9.art.2025.15043. EDN: PNUJMQ (In Russ.) (b)
 16. Gippius V. Gogol. Leningrad, Mysl' Publ., 1924. 237 p. (In Russ.)
 17. Gogol' N. V. *Polnoe sobranie sochineniy: v 14 tomakh* [The Complete Works: in 14 Vols]. Leningrad, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1938, vol. 3, 728 p.; 1949, vol. 5. 511 p. (In Russ.)
 18. Gogol' N. V. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 17 tomakh (15 knigakh)* [The Complete Works and Letters: in 17 Vols (15 Books)]. Moscow, The Moscow Patriarchate Publ., Kyiv, 2009–2010. (In Russ.)
 19. Gogol' N. V. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 23 tomakh* [The Complete Works and Letters: in 23 Vols]. Moscow, Nauka Publ., 2009, vol. 3. 1016 p. (In Russ.)
 20. Gukovskiy G. A. *Realizm Gogolya* [Gogol's Realism]. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury Publ., 1959. 531 p. (In Russ.)
 21. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh* [Dostoevsky F. M. The Complete Works: in 30 Vols]. Leningrad, Nauka Publ., 1976, vol. 14. 512 p. (In Russ.)
 22. Zen'kovskiy V., Professor, Protopresbyter. *N. V. Gogol*. Paris, YMCA-PRESS Publ., 1961. 262 p. (In Russ.)
 23. Izotova E. V. Problem of the Last Line of N. V. Gogol's "Diary of a Madman". In: *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo humanitarnogo universiteta* [Herald of Vyatka State Humanitarian University], 2008, no. 1 (2), pp. 57–61. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_11686698_64947793.pdf (accessed on July 10, 2026). EDN: JVTGDV (In Russ.)
 24. Kryukov V. M. *Sled ptitsy troyki: drugoy syuzhet "Brat'ev Karamazovkh"* [The Trace of the Troika Bird: Another Plot of "The Brothers Karamazov"]. Moscow, Pamyatniki istoricheskoy mysli Publ., 2008. 536 p. (In Russ.)
 25. Lotman Yu. M. On Gogol's "Realism". In: *Trudy po russkoy i slavyanskoy filologii. Literaturovedenie* [Works on Russian and Slavic Philology. Literary Studies]. Tartu, Tartu Ülikooli Kirjastus Publ., 1996, pp. 11–35. (Ser.: New Series; 2.) (In Russ.)
 26. Magazanik L. E. "The Nose": Morphology and Metaphysics of the Name and Trope. In: *Akademicheskie tetradi* [Academic Notebooks], 1996, no. 3, pp. 94–129. (In Russ.)
 27. Mandel'shtam I. E. *O kharaktere gogolevskogo stilya. Glava iz istorii russkogo literaturnogo yazyka. I. Mandel'shtama, professora Gel'singforssskogo universiteta* [On the Character of Gogol's Style. Chapter from the History of the Russian Literary Language. By I. Mandelstam, Professor at the University of

- Helsingfors*]. St. Petersburg, Helsingfors, Novaya tipografiya Guvudstads-bladet Publ., 1902. 406 p. (In Russ.)
28. Pletneva A. A. Gogol's Short Novel "The Nose" and the Popular Print Tradition. In: *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2003, no. 3 (61), pp. 152–163. EDN: HSDXFN (In Russ.)
 29. Tikhonravov N. S., Shenrok V. I. Editor's Notes and Variants. In: *Gogol' N. V. Sochineniya N. V. Gogolya: tekst sveren s sobstvennoruchnymi rukopisyami avtora i pervonachal'nymi izdaniyami ego proizvedeniy N. Tikhonravovym i V. Shenrokom: v 7 tomakh* [Gogol N. V. Works of N. V. Gogol: the Text Has Been Verified with the Author's Own Manuscripts and the Original Editions of His Works by N. Tikhonravov and V. Shenrok: in 7 Vols]. 10th ed. Moscow, St. Petersburg, A. F. Marks Publ., 1896, vol. 6, pp. 542–827. (In Russ.)
 30. Ul'yanov N. I. Arabesque or Apocalypse? In: *The New Review*. New York, 1959, book 57, pp. 116–131. Available at: <https://newreviewinc.com/pdf/1959/57.pdf> (accessed on July 10, 2026). (In Russ.)
 31. Ul'yanov N. Arabesque or Apocalypse? In: *Yunost'*, 2000, no. 7–8, pp. 76–81. (In Russ.)
 32. Fukson L. Yu. The Interpretation of the Short Novel "The Nose". In: *Sibirskiy filologicheskii zhurnal* [Siberian Philological Journal], 2019, no. 1, pp. 75–81. Available at: https://www.philology.nsc.ru/journals/spj/pdf/2019_1/06.pdf (accessed on July 10, 2026). DOI: 10.17223/18137083/66/6. EDN: YZRRCV (In Russ.)
 33. Chudakov G. I. The Relationship of N. V. Gogol's Works to Western European Literatures. In: *Universitetskie izvestiya* [University News], 1908, no. 8, pp. 101–126. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Виноградов Игорь Алексеевич, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького, Российская академия наук (ул. Поварская, 25а, г. Москва, Российская Федерация, 121069); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9151-4554>; e-mail: iwinigradow@mail.ru.

Igor' A. Vinogradov, PhD (Philology), Chief Investigator, A. M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences (ul. Povarskaya 25a, Moscow, 121069, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9151-4554>; e-mail: iwinigradow@mail.ru.

Поступила в редакцию / Received 11.07.2026

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 12.09.2026

Принята к публикации / Accepted 13.09.2026

Дата публикации / Date of publication 18.09.2026